принципиального характера будет строиться и развиваться в спокойно эволюционном русле социальная, экономическая и политическая системы.

Список литературы

Данилов, А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. – Минск, 1998.

Лазарев, В.Д. Переходный период в развитии общества: теории, проблемы, перспективы. – Уфа, 2006.

Пригожин, И.Р. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве // Философия науки: общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук : хрестоматия ; отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. – М., 2005.

Разуваева, Н.Н. Новейшая история России в оценках ученых. – М.; Уфа, 2005.

Ядов, В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия. Власть, общество, личность ; под ред. Т.И. Заславской. – М., 2000.

© Кротков В.О., 2009

В.К. Шумилов

ВЛАСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ШУМИЛОВ Владимир Константинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чебоксары) (e-mail: officico@mail.ru)

Аннотация. *Статья посвящена несостоятельности мнения значительной части отечественных ученых о неприменимости в российских условиях западных институтов. Автором показано, что изобретение «русского велосипеда», в отличие от копирования европейских институтов, приводит к катастрофическим последствиям для российского общества.*

Ключевые слова: *российское общество, социальное развитие, особый, или универсальный, культурно-генетический код, модернизация.*

Начиная со второй половины 1990-х гг. в российском научном сообществе все больше утверждается концепция об «особом» пути развития России, о непринадлежности страны ни Западу, ни Востоку. Характерно упо-

требление таких понятий, как «православная цивилизация» А.С. Панарина; «Россия представляет собой как бы ”дрейфующее общество“ на перекрестке цивилизационных магнитных полей» Л.И. Семенниковой; «российская цивилизация – это, в отличие от других – ”вечный остров“, противостоящий и Европе и Азии» В.Л. Цимбургского[1] и т. п. В итоге в последнее время «выключение российской истории из всемирно-исторического процесса приобрело гипертрофированный характер»[2].

В истории России такой феномен, как «особость», возникает во второй раз. Как первый, так и второй случай четко связан с кратковременным явлением весьма слабой формы либерализма (1825 и 1991 гг.). Ответом является установление авторитарной системы правления, которая для легитимизации нового режима выдвигает свою идеологию. Так, николаевский режим выдвинул идеологию «официальной народности», а современная Россия В. Путина – идеологию «суверенной демократии». Совпадение здесь только на первый взгляд случайное. На самом деле оно отражает достаточно непростые процессы модернизации российского общества. В этом плане, видимо, правильно подмечена Н. Наумовой такая российская черта, как «запаздывающая и рецидивирующая модернизация»[3].

Видимо, в этой связи преобладающим становится мнение о модернизации России с сохранением цивилизационного «культурно-генетического кода». Академик Т.Н. Заславская констатирует, что «особенности истории, культуры и общественного устройства России и других обществ подобного типа практически не оставляют шансов на формирование… либерально-демократических институтов. От механического переноса на эти страны конкретного состава и устройства институтов, играющих эту роль в западных странах, по-видимому, следует отказаться»[4]. Отказаться следует потому, что, согласно О.И. Шкаратану, Россия является «носительницей евразийской православной цивилизации»[5].

По этому поводу польский социолог П. Штомпка заметил: «…наверное, не многие люди хотели бы вернуться к коммунизму, но многие мечтают о неком ”третьем пути“. Таким образом, наследие ”реального социализма“

---

[1] См.: *Семенникова, Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизации. – М., 1995. – С. 109; *Цимбургский, В.Л.* «От великого острова Руси»: к прасимволу российской цивилизации // Полис. – 1997. – № 6. – С. 49.

[2] *Согрин, В.В.* 1985 – 2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 27.

[3] *Наумова, Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. – М., 1999. – С. 176.

[4] *Заславская, Т.И.* Вектор российских институциональных реформ // Россия, которую мы обретаем. – Новосибирск, 2003. – С. 50.

[5] *Шкаратан, О.И.* К сравнительному анализу влияния цивилизационных различий на социальные процессы в посткоммунистическом мире // Социологические исследования. – 2007. – № 10. – С. 18.

существует, и если его не преодолеть (что может потребовать жизни целого поколения), полный успех посткоммунистических реформ вряд ли реален»[1].

Каковы же особенности российской истории, культуры и общественного устройства, что не позволяют сформировать либерально-демократические институты? По мнению американского ученого Р. Пайпса, «российская предрасположенность к авторитарным формам правления не может быть приписана каким-либо генетическим свойствам. Город-государство Новгород, который во времена своего расцвета в четырнадцатом-пятнадцатом веках включал в себя большую часть северной России, представлял своим гражданам такие же, а кое в чем и более существенные права, если сравнивать их с правами тогдашних жителей Западной Европы»[2].

Московское государство также мало чем отличалось от Европы, судя по Судебнику 1497 г. По мнению Ю.А. Алексеева, в нем имеется «впервые законодательно оформленный институт присяжных. Близость русских и английских институтов может объясняться только их генетической близостью – и те и другие вырастают из древних институтов свободной общины, свойственной всем народам Европы. В этом смысле земское служилое самодержавное русское государство Ивана III близко Франции Филиппа Августа и Людовика Святого»[3]. «Избранная Рада» Ивана IV ввела в Московии типичный европейский институт – местное самоуправление.

Современник Смутного времени дьяк Иван Тимофеев, оценивая действия Ивана IV, написал, что он «произвел в земле великий раскол»[4]. Заметим, что даже через 40 лет (после введения опричнины) наиболее образованные люди того времени понимали истинное значение понятия «раскол». Впоследствии только историк Н.П. Павлов-Сильванский отметил 1565 г. как начало новой государственной эры в развитии России, которая, по его мнению, продолжалась вплоть до великих реформ Александра II[5]. Таким образом, именно Иван Грозный на века заложил в российском обществе тот самый «культурно-генетический код», о котором некоторые современные исследователи пишут, что он имеет естественное происхождение.

Как реагирует любое неевропейское общество на действия тирана? Обычный способ: дворцовый переворот. Российское общество на тиранию Ивана Грозного и Бориса Годунова ответило Смутным временем. С его окончанием фактически завершилось органическое развитие страны, так как она самоизолировалась от Европы. Длительная самоизоляция завер-

---

[1] *Штомпка, П.* Социология социальных изменений. – М., 1996. – С. 306–311.

[2] *Пайпс, Р.* Собственность и свобода. – М., 2000. – С. 210–211.

[3] *Алексеев, Ю.Г.* Судебник Ивана III: традиция и реформа. – СПб., 2001. – С. 233.

[4] Современник Ивана Тимофеева. – М.; Л., 1951. – С. 175.

[5] *Павлов-Сильванский, Н.П.* Феодализм в России. – М., 1988. – С. 148.

шилась бы тем, что Российское государство стало бы объектом колониальной экспансии европейских стран.

Возможность реформирования в направлении формирования европейских институтов была в значительной степени ограничена господствующим сословием – дворянством. Отсюда вытекала двойственность в проведении реформ. С одной стороны, реформы, направленные на либерализацию страны, а с другой – удовлетворение запросов дворянства за счет других сословий, прежде всего крестьянства. Поэтому как ни пытался Александр I решить крестьянский вопрос, это удалось сделать только в прибалтийских губерниях.

Видимо, консервация социальных структур создает в обществе благодатную почву для зарождения идеи «особого» развития страны, где отставание признается достоинством, позволяющим использовать его для более правильного будущего социального устройства. Сохранение в неприкосновенности крестьянской общины, прежде всего, предполагает наделение ее землей. В целом помещики были не против отмены крепостного права, но землю они считали своей и не собирались делить ее с крестьянами. Редакционные комиссии (орган, созданный Александром II для решения крестьянского вопроса) настаивали на всей крестьянской земле. В ответ дворяне Калужской губернии писали: «В Остзейском крае, где земля гораздо худшего противу здешней качества, при одинаковых почти климатических условиях свободный труд и разумное хозяйство возвысили урожай хлеба до замечательных результатов. В Пруссии крестьяне наделены гораздо меньшим количеством земли, но живут в довольстве»[1].

«Большие несогласия», возникшие между Редакционной комиссией и дворянами, касались не свободы вообще, а варианта предоставления свободы. Дворяне предлагали ее европейский, прусский, прибалтийский варианты. Славянофилы, заседавшие в Редакционных комиссиях, изобрели свой «российский велосипед». По сути, Редакционная комиссия предлагала освобождать крестьянина только от власти помещика (отмены крепостного права), оставляя его во власти общины. Следовательно, средневековый институт несвободы «человек – община» сохранялся.

Александру II пришлось «покупать» свое самодержавие в обмен на проведение системы реформ. Кроме отмены крепостного права были созданы органы местного самоуправления – земские учреждения. Однако местное самоуправление лишь на время успокоило дворян. Один за другим дворяне Тверской, Черниговской, Московской, Петербургской и других губерний призывали царя созвать всех «выборных людей от всей земли русской» для обсуждения государственных нужд.

---

[1] *Захарова, Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856 – 1861. – М., 1984. – С. 182.

Консервативные сановники Александра II П.А. Валуев и П.А. Шувалов неоднократно предлагали проекты введения в Государственный совет выборных представителей от земств. Весьма характерна реакция самодержца на домогательства лидера консерваторов П.А. Шувалова. Александр II отправил его послом в Лондон. В английском стабильном и устойчивом политико-экономическом строе Шувалов видел эти образцы. Совершенно верно он полагал, что стабильность английского устройства заключается в понятии «собственность». Именно поэтому все его предложения, направленные на реформирование России, исходили из этого понятия. Так, он предлагал разрушить общину, выделить каждому крестьянину надел земли, сделав его собственником. Вместо сословного принципа избирательного закона для земства П.А. Шувалов предлагал установить имущественный ценз[1].

Несомненно, предложения П.А.Шувалова были гораздо реалистичнее, так как опирались на апробированный опыт функционирования социальной системы и позволяли в избегать революционных потрясений. Во многом благодаря его усилиям, а также усилиям николаевских сановников П.А. Валуева и М.А. Корфа, такие типичные британские институты, как местное самоуправление и судопроизводство, были перенесены на российскую почву.

Чужеродные для России того времени европейские институты заработали в России. Земское самоуправление до начала XX в. покрыло значительную часть страны сетью школ, больниц, фельдшерских пунктов.

В дореволюционной России с самого начала кооперация сталкивалась с ожесточенным сопротивлением. Основным аргументом противников кооперации являлось убеждение, что российские условия коренным образом отличаются от западных. Кооператоры же, в частности князь А.И. Васильчиков, считали, что все народы в своем развитии проходят одинаковый путь, преодолевая при этом сходные препятствия и используя почти одинаковые средства. Поэтому не было необходимости вырабатывать особые формы кооперативных ассоциаций. К 1914 г. крестьянская кооперация в России стала самой мощной в мире по числу участвовавших в ней крестьян.

Без великих реформ Александра II просто был бы невозможен стремительный расцвет российской культуры, науки, литературы, искусства, которые во второй половине XIX столетия встали в один ряд с европейскими. Социокультурное развитие страны стало заметно опережать другие общественные сферы – политику и экономику. Практически все действия царского правительства в экономике в первую очередь были направлены

[1] См.: *Христофоров, И.А.* «Аристократическая оппозиция» великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). – М., 2002. – С. 248.

не на формирование капитализма в стране, буржуазии как класса, а на удовлетворение нужд дворянского сословия предпринимателей. Специально для поддержки правящего сословия был учрежден Дворянский банк. Государственный банк, учрежденный для кредитования торговли и промышленности, на самом деле не менее половины своих ресурсов направлял на финансирование казны и помещиков[1]. Искусственная поддержка Министерством финансов курса рубля на зарубежных рынках также служила целям обеспечения дворян, живших за границей. Таким образом, царизм расплачивался за насилие над дворянством при проведении крестьянской реформы.

Такая асимметрия в развитии страны привела к феномену русской интеллигенции. Молодые люди, лишенные возможности участия в политике и экономике, поневоле нашли свое применение в местном самоуправлении. В свою очередь, земщина остро нуждалась в огромной массе служащих: учителях, врачах, фельдшерах, землемерах, статистиках, журналистах и просто конторских работниках. С этой целью создавались земские учебные заведения. В итоге огромная масса людей, которая стала работать в земщине, не в полной мере отождествляла себя с государством, не соединяла интересы земщины и государства. Это приводило к достаточно легкому распространению среди представителей земщины различных антигосударственных идей.

Русский философ С. Франк заметил, что «русский интеллигент испытывает положительную любовь к упрощению, обеднению, сужению жизни. Он любит слабых, бедных, нищих телом и духом, не только как несчастных, помочь которым – значит сделать из них сильных и богатых, то есть уничтожить их именно как социальный и духовный тип, – он любит их именно как идеальный тип людей. Он хочет сделать народ богатым, но боится самого богатства, как бремени и соблазна, и верит, что все богатые – злые, а все бедные – хороши и добры. Его влечет идеал простой, бесхитростной, убогой и невинной жизни… Именно поэтому она и ценит в материальной, как и духовной области, одно лишь распределение, а не производство и накопление, одно лишь равенство в пользовании благами, а не само обилие благ; ее идеал – скорее невинная, чистая, хотя бы и бедная жизнь, чем жизнь действительно богатая, обильная и могущественная»[2].

Понять причины антибуржуазного сознания интеллигенции нам помогает высказывание земского врача М.Я. Капустина: «Западная Европа выработала медицинскую помощь в болезнях в виде личного дела больного и служащего ему врача на правах ремесла и торговли. Русская земская медицина явилась чисто общественным делом. Помощь врача в земстве

---

[1] См.: *Лаверычев, В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861 – 1900 гг.). – М., 1974. – С. 38.

[2] *Франк, С.Л.* Сочинения. – М., 1990. – С. 235.

не есть личная услуга за счет больного, не есть также и акт благотворения; она есть общественная служба»[1].

Земства предоставляли гарантированную зарплату. Кроме того, отсутствовал частнопредпринимательский риск. Все это, как правило, порождает элементы социального иждивенчества, вызывает недоверие к предприимчивому индивиду, который якобы наживается за счет неграмотной массы населения. В таких условиях формируется антибуржуазный менталитет, склонный к различным уравнительным идеям.

Очевидно, что для снятия социального напряжения в обществе необходимо было продолжение дальнейшего внедрения европейских институтов. Но самодержавие не было способно на добровольное самореформирование. Отсюда неизбежный курс на консервацию сложившихся общественных структур. Только давление новых слоев общества, образовавшихся в результате индустриализации страны, в условиях первой русской революции 1905–1907 гг. вынудило Николая II даровать России конституцию.

Именно в этих условиях появились представительные учреждения – государственные думы, но сочетание несочетаемого закономерно привело к состоянию вынужденного роспуска созданных двух первых государственных дум Российской империи. Только новый «бесстыжий» избирательный закон для III Государственной думы обеспечил формальное функционирование законодательного органа.

Николай II, видимо, сознательно игнорировал европейский опыт строительства законодательного органа, который основывался прежде всего на имущественном цензе для населения, а также цензе оседлости. Император наивно верил в крестьянскую любовь к институту монархии и питал явное недоверие к собственникам, то есть к буржуазии, которая, по его мнению, разжигала пожар социальной революции.

Это мнение наглядно подтверждает выдвигаемый тезис, что при внедрении чужеродных социальных институтов нельзя в угоду традициям создавать гибридные социальные формы. Согласно Р. Уортману, именно сочетание национальных и европейских принципов политической культуры привело самодержавие к краху[2].

В этой связи может вызвать только недоумение мнение некоторой части наших ученых, заявляющих, что «России следует прекратить догонять, перегонять или копировать кого-то или же (наоборот) любыми средствами

---

[1] *Пирумова, Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. – М., 1986. – С. 23.

[2] См.: *Уортман, Р.* Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия 1861 – 1917: Материалы международного коллоквиума историков. – СПб., 1992. – С. 18.

сохранять свою самобытность, даже дурную. Нам нужно просто развиваться ”естественно“: искать эффективные для нас пути и средства развития, исходя из своей сути и конкретных условий»[1]. Развиваться «естественно» означает всего лишь самое любимое занятие наших националистов – изобретать свой велосипед.

Такое положение, сложившееся в настоящее время по поводу изучения социальных явлений, можно объяснить цикличностью развития самой науки об обществе. Эта цикличность просматривается с момента ее возникновения, и в ней имеются определенные закономерности, которые складываются из множества факторов реальной действительности. Прежде всего, следует подчеркнуть, что зачастую ученые абсолютизируют и неоправданно экстраполируют наблюдаемые сегодня явления на более длительный исторический период. Фрагмент реальности (часть) выдают за целое.

Очевидно, что современные реалии непосредственным образом воздействуют на умы большинства ученых, и эта реальность, достаточно кратковременная (в масштабах социального времени), экстраполируется на весь исторический процесс развития общества. Поэтому в наши дни весьма модны концепции «особости», уникального развития России.

Список литературы

Заславская, Т.И. Вектор российских институциональных реформ // Россия, которую мы обретаем. – Новосибирск, 2003.

Захарова, Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856 – 1861. – М., 1984.

Шкаратан, О.И. К сравнительному анализу влияния цивилизационных различий на социальные процессы в посткоммунистическом мире // Социологические исследования. – 2007. – № 10.

Штомпка, П. Социология социальных изменений. – М., 1996.

Франк, С.Л. Сочинения. – М., 1990.

© Шумилов В.К., 2009

[1] *Бальчук, А.* Россия: восток Запад или запад Восток? // Свободная мысль. – 2008. – № 4. – С. 42.